

МЕДИАСОБЫТИЕ В ИНТЕРНЕТ-ХРОНОТОПЕ: В. В. ПУТИН И «КОЛЬЦО РЫБАКА»

Н. В. Рабкина

MEDIA EVENT IN THE CHRONOTOPE OF THE INTERNET:

V. PUTIN AND THE FISHERMAN'S RING

N. V. Rabkina

Данная статья посвящена феномену временного сдвига в современных СМИ. Интернет-новости создают свой собственный хронотоп, в котором события, разделенные во времени, соединяются друг с другом по ассоциативному признаку. Автор демонстрирует, как несколько не связанных друг с другом новостных сообщений могут сливаться в одно на базе общего слова (в данном случае, это слово «кольцо») с целью очертить образ России, создав ассоциативную связь между понятиями «президент» и «преступление».

The paper features the phenomenon of time-shift in modern media. Internet-news make up their own chronotope, in which events separated in time are forced to come together on associative basis. The author shows how several different news stories can be mixed together on the basis of a common word (in this case, «the ring») with the purpose to bespatter the image of Russia by uniting the concept of the president with the concept of crime.

Ключевые слова: СМИ, медиасобытие, хронотоп, Интернет, политика.

Keywords: media, media event, the Internet, chronotope, politics.

Интернет-хронотоп характеризуется совершенно новой, динамической онтологией реальности, в которой пространство и время связываются воедино и структурируются посредством коммуникации. Цифровые технологии создания и трансляции контента многократно усиливают эффект этого хронотопа, «дробя» или «растягивая» время: актуализируемые события, далеко отстоящие друг от друга по времени, предстают в интернете в формате «здесь и сейчас» как равноправно бытующие в одной длительности [8, с. 118].

Виртуальное бытие перенасыщено медиасобытиями, которые являются отражением событий, происходящих в реальном, физическом мире. *Медиасобытие в интернет-пространстве – это интерпретация события из мира «Действительность»* (пользуясь формулировкой Н. Д. Арутюновой), *существующая в интернет-пространстве (мир «Виртуальность»)* в виде гипертекста и входящая в сложную систему ассоциативных взаимодействий с другими медиасобытиями. Впрочем, применительно к интернет-пространству сложно говорить о какой-либо системе – ассоциативные связи, которыми проникнуто гипертекстовое пространство, скорее хаотичны, чем системны.

Медиасобытие – событие, произошедшее в реальности и отраженное средствами массовой информации. Результат преломления информации сквозь призму субъективного видения, личности журналиста, редакционной политики, специфики канала коммуникации. В. В. Хорольский выводит две аксиомы журналистики: «никакой медийный факт не равен факту жизненному» и «никакой медийный факт невозможно отделить от мнения о нем» [14, с. 78 – 89]. Создатель медиатекста наполняет медиасобытие своим ощущением времени и пространства, т. е. определяет его хронотоп [3]. Следовательно, медиатекст, повествующий о медиасобытии, нельзя воспринимать как документальное свидетельство о событии реальном: это модель действительности, полученная в процессе творческой деятельности журналиста, объект его текстовой деятельности [7].

Таким образом, медиасобытие живет в интернет-пространстве в виде медиатекста, который представля-

ет из себя синтез фактологии, материалов творчества, личностных приоритетов журналиста и форматов издания или канала СМИ [2].

Медиатексты Интернета динамичны, нацелены на контакт с аудиторией, структурированы по принципу гипертекста, т. е. «вписаны» во всемирную паутину множеством связей одних медиасобытий с другими. Медиасобытие создает иную, медийную реальность, которая не представляет реальный мир, а замещает его. Процесс структурирования медиареальности заключается в принципе селективной фильтрации выборе форм презентации в процессе монтажа событийной сетки, когда актуализируются различные смысловые связи [5].

Примером может послужить статья под названием «*Pope shakes hands with ring-swiping Putin*» [17], опубликованная в интернет версии газеты «NewYorkPost» 26 ноября 2013 г. и посвященная встрече Папы Римского Франциска с В. В. Путиным в Ватикане. На сопровождающей статью фотографии зафиксирован момент рукопожатия, а первое предложение статьи гласит: «Did he steal your ring, too, Your Holiness? (Он и ваше кольцо украл, ваше святейшество?)».

Название статьи может показаться абсурдным пользователю, мимо которого прошло другое медиасобытие, на связи с которым строится вся статья. Она содержит отсылку на давнее медиасобытие, освещавшееся в СМИ в 2005 г. – так называемое «нечаянное дарение»: тогда американский магнат Роберт Крафт подарил Путину уникальный перстень, символ победы в Супер Боул (финальной игре национальной лиги американского футбола) 2005 г., украшенный 124-мя бриллиантами. Однако восемь лет спустя, именно накануне встречи президентов РФ и США в июне 2013 г., Крафт объявил, что в 2005 г. Белый Дом из дипломатических соображений вынудил его объявить кольцо подарком, хотя на самом деле президент России положил украшение себе в карман по рассеянности и забыл вернуть, чем нанес Крафту серьезную моральную травму.

Каким же образом данный инцидент связан со встречей понтифика и Путина? Папа Иоанн-Павел II пробыл на престоле Ватикана довольно долгий срок, за это время общественность успела забыть, в чем заключается процедура выбора Папы, поэтому описание этой процедуры стало крупнейшим медиасобытием 2005 года: наряду с конклавом и дымовым сигналом, в прессе была представлена информация о «кольце рыбака», надеваемым новым понтификом после избрания. Вторично процедура избрания Папы широко освещалась в СМИ в связи с отречением Бенедикта XVI, поэтому в 2013 году «кольцо рыбака» «плавало» на поверхности медиainформации.

История с кольцом Крафта является скрепляющим материалом для новой информации о ходе визита Путина в Ватикан: «флешбеки», представляющие ретроспективу медиасобытия «нечаянного дарения», чередуются в статье с отчетом о встрече президента и понтифика. Имя Путина оказывается вплетенным в тематическую сеть «преступление» («Notorious international jewelry swiper Vladimir Putin got a pickpocket eye's look at one of the world's most famous rings...»), «Putin – who once walked off with a diamond-encrusted Super Bowl ring from the stunned owner...», «Putin pocketed the 4.94 carat, 124-diamond ring...», «Putin denied in July that he had stolen the ring...»).

Забавным образом история с «нечаянным дарением» всплывает каждый раз, когда имя президента Путина оказывается в одном контексте со словом «кольцо». Примером может также послужить знаменитая фотография, сделанная во время встречи В. В. Путина и Б. Обамы в Ирландии. На ней президенты сидят в креслах в одинаковых позах – сцепив руки в замок, не глядя друг на друга, думая о чем-то своем, особенно сконцентрированным на своих мыслях кажется Б. Обама. Позы, одежда (неформальная – без галстуков, рубашки с расстегнутым воротом) и выражения лиц делают президентов зеркальными отражениями друг друга, даже учитывая явные различия в их внешности и физических параметрах. Позы и композиция кадра представляют собой визуальную параллель политическому поведению президентов США и России (и шире – политики двух государств в отношении друг друга): настороженность, скрытность, противостояние при сохранении внешней нейтральности, взаимная готовность отразить любые агрессивные действия («закон Миши Яковлева» как реакция на «закон Магнитского»). Основной смысл кадра – зеркальность, закрытость, разъединенность, противопоставление, оппозиционность. Этот удачный кадр стал основой для интернет-творчества: лица президентов так задумчивы, что было бы странно, если бы интернет-сообщество не попыталось поспекулировать в отношении их мыслей в тот момент. И на одной из таких карикатур затронута история с кольцом. Реплика Путина на этой картинке – «*He's probably listening to MY phone calls, too*» (Он, наверное, и МОИ телефонные разговоры тоже прослушивает) является отсылкой к истории с предоставлением Сноудену политического убежища в России и открывшейся информации о том, что органы безопасности США прослушивают телефонные переговоры по всему миру. Реплика Обамы – «*If I keep my hands folded, he can't steal my ring*» (Если я буду

сидеть, сцепив пальцы, он не сможет украсть у меня кольцо) [11].

Описанный эпизод является отражением глубинных процессов, происходящих в сознании современного человека, когда он попадает в интернет-пространство.

О. В. Романов в своей диссертации описывает метафору «человечество как супер-организм», в котором Интернет выступает в качестве супер-мозга, чья гипермедиа-архитектура позволяет Всемирной паутине работать как некой общечеловеческой ассоциативной памяти. Он подчеркивает тот факт, что новая социальная реальность в значительной мере расположена в виртуальном пространстве – в противоположность укорененности «старого общества» в физической, материальной реальности. Причем упомянутое выше свойство ассоциативной памяти структурирует эту новую социальную реальность не в виде глобальной системы, а в виде глобальных сетей, что связано с особым свойством идеи в интернет-пространстве: она децентрализована и ориентирована на синтез и интеграцию с другими идеями [12].

Важная функция интернет-пространства – кодифицировать реальность и сохранять социальную память – осуществляется во многом за счет содержащихся в этом пространстве текстов медиакультуры [6]. Тексты медиакультуры в основном организованы в соответствии с все тем же принципом ассоциативной памяти, а именно в виде гиперновости, определяемой как открытый электронный новостной дискурс, в котором читателю предлагается ряд ссылок на дополнительные материалы к изложенным фактам, причем маршрут читатель выбирает в соответствии со своими собственными целями [4].

В принципе, как общая организация интернет-пространства, так и организация текстов медиакультуры в нем, отвечают общему свойству любого текста, субъективируемого человеческим сознанием – существовать внутри сознания индивида в виде гипертекста, включающего «мириады ассоциативных связей» [10: 20].

С одной стороны, гипертекстовая организация коммуникативно-информационного интернет-пространства отражает развитие средств массовой коммуникации в сторону, наиболее оптимально приспособленную к восприятию человеческим сознанием: гипертекстуальность интернет-пространства, в основе которой лежит ассоциативный характер человеческого мышления, представляется созданной «по образу и подобию» этого самого мышления, в противоположность линейности традиционного книжного текста. Структура организации гипертекстового пространства во многом тождественна «пространству мысли» и позволяет отразить «многогранность человеческой экзистенции», включив в информационное пространство изображение, видеоряд и аудиоряд, которые всегда было трудно вербализовать без потерь [13].

С другой стороны, гипертекстовая организация Интернета призвана объединить всю содержащуюся в нем информацию с помощью ссылок в некую глобальную ноосферу, где нет ментальных «тупиков» и «закрытых дверей». Однако О. В. Романов, перефразируя Салтыкова-Щедрина, говорит о «жидкомыслии» интернет-пространства, отдельные конкретные тексты которого характеризуются распыленностью, раздроб-

ленностью, разбросанностью [12]. Т. е. первоначальное предназначение Интернета – создавать общую, глобальную, цельную картину человеческого бытия – оказывается нереализованным. Возникает обратная связь: фрагментарность, раздробленность информации в интернет-пространстве усиливает ассоциативный характер сознания воспринимающего его субъекта, разрушая способность мыслить логически и линейно, концентрироваться на информации сколько-нибудь долгое время, достаточное для адекватной ее интерпретации, выделять действительно главное и связывать его с другими значимыми фактами, а также сопротивляться соблазну уйти от этого главного, следуя более заманчивым «линкам» внутри собственной памяти. Стоит заметить, что гиперссылки, претендующие подчас на роль причинной связи, в основном лишь мимикрируют под причинную связь, реально же речь идет скорее об ассоциации или аналогии.

Таким образом, виртуальное пространство, построенное по законам человеческого сознания, в идеале представляет собой «внешний жесткий диск», призванный хранить информацию, превышающую объем человеческой памяти, но обладающий максимально «дружелюбным интерфейсом» для пользователя – т. е. для сознания индивида, так как виртуальное пространство является в определенной степени имитацией механизмов человеческого сознания. В этом виртуальном пространстве должно осуществляться информационное взаимодействие, процесс изменения знаний в результате взаимодействия объектов. Л. В. Эпштейн писал, что если одним из объектов взаимодействия выступает компьютер, а другим – человек (знания которого в результате этого взаимодействия изменяются), то такой вид информационного взаимодействия может быть назван антропоцентрическим [16].

Стоит, однако, заметить, что ставить компьютер и человека на один уровень в системе информационного взаимодействия в виртуальном пространстве не совсем корректно. В конечном счете, виртуальное пространство выступает в этом процессе лишь тем, что оно есть – виртуальным пространством, которое пользователи Интернета наполняют информацией и смыслами, организуя эту информацию и связывая эти смыслы по собственному усмотрению. Поэтому в конечном итоге информационное взаимодействие всегда происходит между людьми. Следовательно, в виртуальном пространстве сознание одного из коммуникантов интерпретирует информацию, переработанную и структурированную сознанием другого, снабженную гиперссылками в тех местах, которые этот другой коммуникант посчитал актуальными.

Итак, если описывать Интернет через метафору пространства, мы получаем пространство, изначально созданное для того, чтобы человек ориентировался в нем максимально комфортно, однако пространство это перенасыщено объектами, созданными другими людьми и для других целей, что отнюдь не способствует

ориентированию. Виртуальность превращает процесс потребления информации в бесцельное путешествие по «саду расходящихся тропок» или «игру в бисер», допускающую самые фантастичные комбинации смыслов. У. Эко весьма привлекательно суммирует борхесовскую метафору сада применимо к художественной литературе: «Даже там, где лесная тропинка совсем не видна, каждый может проложить свою собственную, решая, справа или слева обойти то или иное дерево, и делая очередной выбор у каждого встречного ствола» [15]. Однако в случае медиадиска Интернета, где речь идет об интерпретации реальных событий, блуждание по своим собственным тропинкам и любование встречными деревьями нередко уведут пользователя от первоначального события, значение которого полностью скрывается из виду. Интернет-пространство, задуманное как глобальное вместилище постоянно обновляющейся информации, вписывается в «лесную» метафору У. Эко именно в том смысле, что «из-за деревьев леса не видать».

Таким образом, вопреки первоначальному замыслу, обратное воздействие виртуального пространства на человеческое сознание приводит к возникновению того самого «мозаично-клипово-мифологического массово-коммуникационного сознания», которое, по словам Д. В. Ольшанского, доводится «исключительно осколочными сообщениями и фантастическими связями между ними», но при этом вполне успешно функционирует, «порождая и укрепляя иллюзии всеобъемлющего знания о мире и происходящих в нем событиях» [9, с. 20]. Традиционный метод гуманитарного познания, «где логическая дедукция и приемы формальных рассуждений структурировали и организовывали систему знаний и способ отражения действительности, пришел «случай» – способ внелогической, хаотической, «мозаичной»... актуализации бытия» [8, с. 117]. Свобода выбора пути следования мысли в гипертекстовом пространстве привела к тому, что «медийно существующий человек оказывается в ситуации факультативного следования правилам логики и принципу объективности в воспроизведении реальности» (Там же).

Таким образом, в гипертекстовом интернет-пространстве одно медиасобытие оказывается спаренным с другим медиасобытием с помощью ассоциативной связи, но никак не логической. Медиасобытие – жизнь, подвергшаяся текстуализации [1], перевод произошедшего реального события посредством речевых структур в вербальный факт / вербализованный акт, в текстовую категорию. На разных стадиях существования медиасобытия к нему присоединяются новые информационные фрагменты, в результате чего в интерпретацию медиасобытия попадает информация, лишь косвенно с ним связанная: «так множатся микрособытия, нелегитимно присваивающие себе информационную актуальность основного события и увеличивающие уровень псевдособытийности» [3].

Литература

1. Васина Е. В. Текстуализация жизни как средство репрезентации событий в масс-медийном тексте // Уральский филологический вестник. (Серия: Драфт: молодая наука). 2012. № 4. С. 23 – 33.
2. Велитченко С. Н. Медийный словарь: проблемы функционирования и развития // Медиаскоп: электронный научный журнал факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. 26.09.2012. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/1029> (дата обращения: 9.11.2014).

3. Витвинчук В. В. Конструирование медиасобытия: специфика социального хронотопа // Вестник Томского государственного университета. (Серия: Филология). 2013. № 2(22). С. 104 – 110.
4. Воротникова Ю. С. Реализация новостного дискурса в электронных англоязычных СМИ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 20 с.
5. Ермоленкина Л. И. Информационное событие как репрезентация картины мира радиодискурса // Вестник Томского государственного университета. (Серия: Филология). 2010. № 3.
6. Кириллова Н. А. От медиакультуры к медиалогии // Культурологический журнал. 2011. Вып. 4(6). Режим доступа: http://www.cr-journal.ru/gus/journals/98.html&j_id=8 (дата обращения: 09.11.2014).
7. Кожанова В. Ю. Рецептивный аспект создания медиатекста // Вестник Адыгейского государственного университета. (Серия 2: Филология и искусствоведение). 2011. № 2.
8. Мансурова В. Д. «Медийный» человек как проекция цифровой онтологии // Филология и искусствоведение. 2010. № 3. С. 116 – 120.
9. Ольшанский Д. Психология масс. М.: Академический проект, 2003. 376 с.
10. Петренко В. Ф. Психосемантика ментальности: коммуникативный аспект // Проблемы медиапсихологии. М.: Изд-во МГУ, 2002. С. 19 – 30.
11. Рабкина Н. В. Война президентов: Сирийский конфликт в американской интернет-прессе // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сборник статей по материалам XXXVI Международной научно-практической конференции. № 5(36). Новосибирск, Изд-во СибАК, 2014. С. 167 – 174.
12. Романов О. В. Онтологические и гносеологические проблемы философии Интернета: генезис и синтез фундаментальных идей: дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2003. 153 с.
13. Соколов Б. Г. Генезис истории. СПб.: Алетейя, 2004. 372 с.
14. Хорольский В. В. Коммуникативистика и теория журналистики в контексте медийной глобализации: методологические загадки // Вестник Волгоградского государственного университета. (Серия 8: Литературоведение. Журналистика). 2009. Вып. 8. С. 78 – 89.
15. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах. СПб, 2002. 326 с.
16. Эпштейн В. Л. Антропоцентрическое информационное взаимодействие (вопросы терминологии) // Проблемы управления. 2003. № 1. С. 28 – 32.
17. Pope shakes hands with ring-swiping Putin // NewYorkPost. URL: <http://nypost.com/2013/11/26/pope-shakes-hands-with-ring-swiping-putin/> (дата обращения: 09.11.2014).

Информация об авторе:

Рабкина Надежда Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и лингвистики КемГУ, nrabkina@mail.ru.

Nadezda V. Rabkina – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Translation, Interpretation and Linguistics Kemerovo State University

Статья поступила в редколлегию 29.12.2014 г.